

*Шансы на «любовь до гроба»
с годами значительно возрастают.
Из анекдота*

Диковинные фамилии встречаются иногда, это всем известно. Но они бывают еще диковеннее, если непостижимым образом сопрягаются с родом деятельности или судьбой их носителей. Например, чемпион мира и олимпийских игр по фехтованию — Кровопусков! Или (в рекламе) — специалист по уходу за кожей лица от

преждевременного старения носит фамилию Старокожева. А вот еще — тренер детской команды по спортивной ходьбе — Шипигусев. А как вам понравится участковый Кромешный? И заметка в газете, дословно: «Немолодой рабочий Георгий Степанович Гадючко работает сейчас слесарем, а в прошлом — тренер-

акробат». В общем, мастер на все руки! Это, знаете ли, подлинная цитата из очерка о слесаре Гадючко. Из газеты. А в разделе «Происшествия» заметка о подростке, который зимой из своего села пошел за водкой в другое село и по дороге замерз. Трагично. Но не так уж, ибо фамилия подростка — Чекушко.

Вот точно так же соответствовал своей фамилии и наш герой — Сидор Игнатъевич Кошмарюк, пенсионер на заслуженном отдыхе, наводивший легкий ужас на всех соседей и случайных прохожих, встретившихся невзначай на его прямом, бескомпромиссном пути, в его стерильной биографии. Нет-нет, что вы, он никого не бил и особо не пугал, а кошмарил людей по-другому, к примеру, очень неприятной категоричностью своих мнений буквально обо всем. За другие мнения он презирал всех, с кем общался. Люди это чувствовали и старались избегать любых контактов с Сидором Кошмарюком. За глаза все в их садовом товариществе называли его просто и грубо — «старый хрен». Со временем слово «старый» для краткости отбросили, и жители, если речь заходила о нем, стали звать его односложно и элементарно — «хрен». «Хрен» — и все! И все понимали, о ком идет речь. Тем более что само слово и его смысл очень даже подходили Сидору Игнатъевичу. Он был похож... Нет, не на то, что продается в баночках или тубиках в протертом и обработанном виде, а именно на корень хрена. Сидор имел нездорово-белый цвет лица, кривую фигуру и волоски на тощей, морщинистой шее. А уж про ядерный и терпкий вкус и говорить-то нечего.

Хрен Сидор очень не любил интеллигенцию. Он вообще мало кого любил, да практически — никого, но интеллигенция и все ее проявления раздражали его особенно остро и даже болезненно. Любые очки его нехорошо возбуждали, а свои собственные, которыми ему приходилось пользоваться в случае крайней необходимости, когда надо было что-то прочесть, он надевал непременно со словами «твою мать!» Из чувства противоречия он никогда не ел при помощи ножа, так как терпеть не мог все эти интеллигентские замашки, а если, допустим, попадался бифштекс, он накалывал его на вилку и просто откусывал. А мог и не на вилку, потому что ему больше всего нравилось взять в руку и так откусывать. А уж слова «отнюдь» и «весьма» делали его просто зверем. Если он где-нибудь случайно слышал одно из них, он тут же хватался за несуществующую кобуру, которой у него уже давно, с момента увольнения из охраны ведомственного учреждения, не было. Слово «инцидент» он еще как-то выносил, но вот «отнюдь» почему-то доводило до судорог.

В их подмосковном дачном поселке все друг друга знали, но Сидор Игнатъевич более или менее регулярно общался только с одним человеком, своим соседом Ва-

силием Иосифовичем, с нормальной, причем, фамилией — Бронштейн, да и то только потому, что тот однажды ему помог и даже практически спас его от глухоты, а возможно, и смерти.

А дело было так: однажды утром, когда Сидор вышел на крыльцо своего дома, потянулся и только собрался сделать несколько полезных упражнений, ему в ухо залетел жук. И остался там, жужжа и шевелясь.

— Этого мне только не хватало! — горестно размышлял Сидор Игнатъевич, пытаясь выковырять из уха жука — сначала пальцем, потом веточкой, а еще — булавкой и даже перочинным ножом.

Мысли о несовершенстве мироздания постепенно переросли в реальное опасение за здоровье. Не жука, конечно, — да пусть он хоть содохнет, зараза, но не в его ухо! Тем более что он там подозрительно затих, перестал шевелиться. «А ведь он может каким-то образом проникнуть и в мозг», — мелькнуло в незанятом пока жуком мозгу Сидора ужасное подозрение.

И тогда он стал звать на помощь соседа. Тот спал еще, но чувство долга и вообще человеколюбие подняло его с постели, и он вышел на зов. И заметил, что сосед — в отчаянной тревоге, хотя всячески пытается это скрыть. Твердая военная закалка запрещала Сидору раскисать, но все равно паника росла и грозила затопить все его непоколебимое существо. Василий Иосифович быстро вник в проблему и пошел в дом за инструментом. До своего заслуженного отдыха сосед Бронштейн был стоматологом, что почти естественно для его фамилии, и дома у него сохранился дежурный набор медицинских приспособлений, в том числе и такой тонкий металлический крючок, зонд, которым с зуба убирают все лишнее. Надо было не задеть в ухо барабанную перепонку и постараться добраться до зловредного жука аккуратно. Василий был стоматологом выдающимся, и ему эта операция удалась. Уже дохлого жука он своим волшебным крючком все-таки извлек из волосатого уха соседа. Не только крючок, но и пинцет участвовали в этой нехитрой, но опасной операции. Жук таким образом так и не добрался до мозга Сидора Игнатъевича. Или не захотел. Умер по пути. Но смерть, по мнению Сидора, была близка, а значит, можно считать, что сосед спас его от трагического и вместе с тем — нелепого финала жизненного пути. Они с соседом бурно отпраздновали в тот вечер победу над жуком. Вот с тех пор Сидор Игнатъевич Кошмарюк и считал Василия Иосифовича Бронштейна единственным человеком, которому можно доверить не только ухо, но и жизнь и на которого можно положиться. То есть упертая мизантропия Сидора сделала в лице Бронштейна единственное исключение.

А сама мизантропия обрушилась на Сидора как-то сразу — лавинообразно и неотвратимо. Раньше все

было более или менее терпимо, но вот случилось так, что чаша терпения оказалась переполненной. Сначала что-то просто раздражало, потом стало бесить... Ну что тут такого, чтобы так разозлиться: услышал в кафе диалог толстенной тетки с совсем маленьким сыном.

— Миша, съешь булочку.

— Не-е-е, — тянет капризно Миша, тоже довольнотаки пузатый ребенок.

— А вот этот тортик, а? Ну, кусочек маленький! Вкуснотища! А? Ну съешь!..

— Не хочу-у, — ноет Миша, у которого на щеках следы диатеза, возможно, от обилия сладкого, от чего же еще!

— Ну ладно, ничего, мама за тебя съест, — говорит тетка, уже запихивая в рот кусок торта и ничуть не огорчившись, а наоборот — обрадовавшись тому, что сейчас может с удовольствием доест оставшееся.

— Уй ты, пузанчик мой, — треплет она пухлую щечку сына сладкой от торта рукой. — Пуза-ан! — умиленно повторяет она, вытирая затем руку о Мишины штанишки.

Ну скажите — может ли этот диалог, этот пустяк вызвать такие пароксизмы ненависти у нормального человека, какие вдруг возникли у Сидора Игнатьевича? Да никогда в жизни! А Сидора подобные мелочи бесили все время, что бесконечно расшатывало его и без того уже изрядно расшатанную нервную систему.

У соседа, Василия Бронштейна, которого после истории с жуком с последующей выпивкой Сидор стал интимно называть близким по детству именем Васек, были свои, отличные от Сидоровых, основания для мизантропии и даже брезгливости по отношению к человечеству. Еврейский интеллигент Васек никак не вписывался в систему взаимоотношений Сидора с людьми, но вот видите, что получилось! Страшно подумать, чем могло обернуться для них такое взрывоопасное соседство, если бы не судьба в лице того самого жука. А так — подружились... Единство, знаете ли, противоположностей...

У Бронштейна совсем иначе, чем у Сидора, развивалось отношение к людям и окружающей среде. Его можно было обозначить всего двумя словами: брезгливое сострадание. А вот у Сидора было презрение. Без всякой жалости. Но мнение, в общем, у них было одно: нас окружают тупые, невежественные, ленивые и жадные идиоты, и порядочному человеку жить среди них — едва терпимо. Но задевало их разное, разные случаи и обстоятельства. Новый друг Васек и внимания бы не обратил на тот эпизод в кафе с теткой и мальчиком, и уж никоим образом это бы его не возмутило. А Сидор, в свою очередь, обязательно прошел бы мимо такой картины, которая вызвала у Бронштейна резкий импульс

той самой брезгливой жалости. Василий Иосифович как-то раз был свидетелем того, как совсем некрасивая, да еще и с оплывшим лицом, полупьяная баба в электричке жаловалась своему спутнику (или случайному попутчику) на своего мужа:

— А он мне, представляешь, grit: а куда ты, мол, денешься! Нет, ты понимаешь! Куда, grit, я (она сильно выделила слово «я») от него! Денусь!

Ее возмущению не было предела, хотя по всему было видно, что деваться ей действительно некуда, но все равно — обидно ведь! И она все повторяла с затающим гневом: «Куда, grit, я денусь, куда я денусь» (последнее уже просто ворчливо).

Тот, кому была адресована эта пылкая жалоба, представлял собою противоположную тетке фигуру — очень маленький, щуплый мужичонка в очках. Он не отвечал ей ничего, ни разу, так как был, по всему, сильно занят чтением в журнале большой статьи об американской кинозвезде Элизабет Тэйлор.

«О! Эти грезы, — подумал тогда Василий Иосифович. — О! Эта жизнь!»

Когда он еще работал в поликлинике, знакомый хирург, флеболог, как-то рассказал ему о немолодой женщине, которая хотела выглядеть красивой даже на операционном столе. Она непременно хотела накрастись перед операцией и еще делала тщательный педикюр, подбривала волоски на ногах и т. д. Как будто через сутки это могло иметь хоть какое-нибудь значение, как будто ногам этим, искромсанным и перебинтованным после удаления варикозных вен или во время самой операции, этот педикюр был жизненно необходим!

— Ну что за дура! — говорил тот хирург, чуть не плача. — Ведь ее не смогли вывести из наркоза. Так и умерла с педикюром! А потом у ее постели записку нашли, — продолжал хирург с болью, несмотря на то, что видел всякое.

Она, оказывается, опасалась, что с ней может случиться худшее, и основательно, на всякий случай, продумала, как она должна выглядеть в гробу, и сделала в записке по этому поводу соответствующие распоряжения близким: как ее нарядить и как накрастись.

— Знакомая моя, — закончил хирург свой рассказ. — Близкая, — зачем-то добавил он.

А стоматолог Бронштейн тяжело вздохнул и уже с философским, но все равно не лишенным пренебрежения сочувствием произнес слово, объясняющее, по его мнению, все, — «женщины...» И добавил к рассказу хирурга свой, который характеризовал женскую природу не менее ярко и выразительно.

Рассказал про свою знакомую, которая все мечтала выйти замуж, но не просто выйти замуж, а за определенного человека. Ей непременно хотелось, чтобы она

была «как за каменной стеной» и опиралась именно на «твердую мужскую руку». Она дала даже брачное объявление в газету, в котором конкретно обозначила необходимые ей мужские приоритеты: чтоб кандидат обладал «твердой мужской рукой» и таким же «твердым мужским плечом».

Она своего добилась! Обрела наконец свое женское счастье. Своеобразно, однако, получилось... Расписались. Собрались в свадебное путешествие. Но ей нужно было задержаться из-за работы, поэтому она осталась в Москве, а муж уехал в свадебное путешествие, по путевке — один. И это была только первая ласточка. Но ее пока ничего не настораживало. Она обменяла свою квартиру на большую и стала обставлять семейное гнездо. Все было в том же подъезде, где жил Бронштейн, и он однажды увидел, как она тащит на четвертый этаж не самый большой, но явно весомый холодильник, закрепленный веревками у нее на спине. Лифт в тот день не работал. Суженый шел сзади и грыз яблоко. А также подбадривал ее словами: «Клавка, тренируйся! Будешь крепкой, спортивной телкой. Соблазнительной! Муж, то есть я, будет все время тебя хотеть! И это хорошо, потому что, не забывай, Клавка, у нас идет с тобой медовый месяц».

Клавка кричала и не забывала. Потом, уже после развода, она жаловалась Василию Иосифовичу, что суженый регулярно бил ее. Вполне, кстати, «твердой мужской рукой», о которой она так мечтала до свадьбы.

Абсурдная судьба Клавки с четвертого этажа, как и прочие судьбы глупых баб с их вздорными желаниями и нелепыми мечтами, повергала Бронштейна в элегическую грусть, но он все равно не переставал удивляться многообразным изгибам поведения девушек, женщин, старушек и даже маленьких девочек, которые занимали его давно как ученого-теоретика, никогда не опирающегося на практику в силу фатально наступившей, но тем не менее ожидаемой импотенции.

Вышел из московской квартиры этой зимой и увидел, как соседская девочка лет двенадцати-тринадцати с остервенением качает детскую коляску с орущим изнутри ребенком и говорит ему: «Ну, ну! Хватит орать! Быстро! Хватит, тебе говорю! Ну, чего бы хочешь?! Чего тебе еще надо?! Быстро!»

Ребенок не унимается и еще больше заходится в истерическом плаче.

«И это будущая мать!» — с тоской и беспокойством за демографическую ситуацию в стране с такими будущими женщинами, выросшими из таких вот девочек, подумал Бронштейн и зашагал в магазин, ни на что хорошее в этот и последующие дни не рассчитывая. И правда, цены на продукты первой необходимости опять поднялись.

Регулярные теперь посиделки двух новых друзей представляли собой застолье и последующие ожесточенные споры. Все дело было в том, что общая, в принципе, идеология ненависти к окружающему миру рассматривалась с разных точек зрения. То есть итог был одним и тем же, но пути разные. Однако общий пессимизм в отношении будущего России и всего мира, который давно уже заслуживал апокалипсиса, никак не мешал им наслаждаться алкогольными вечерами на свежем воздухе с непринужденной беседой при этом. Печальную и несколько меланхоличную реакцию Бронштейна на пошлость и невежество современного общества Кошмарюк считал интеллигентскими судорогами и ностальгическим смрадом. Все эти слова и понятия Сидор знал, но душа его стремилась к простоте, а простота подчас облекалась в грубую форму. Он желал все понимать и горячо принимал мат и то, что многие «ботаники» презрительно именовали «народным юмором». Так называемый народный юмор, широкой волной разлившийся по телеэкранам, принципиально одобрялся Сидором, поэтому он, опять же — принципиально — смеялся даже тогда, когда ему было совсем не смешно. Не далее как сегодняшним утром возле их магазина под названием «Мини-маркет», который, как и прежде, лучше было бы назвать «Сельмаг», он увидел машину, старый, потрепанный «жигуленок». Из него вылезла щедро и густо раскрашенная девка в блестящих по всему ее скромному наряду и направилась к входу в сельмаг.

— Кефиру не забудь, купи! — донеслось с водительского сиденья материнское, как видно, пожелание.

— Не по сезону шуршишь, фанера! — прозвучал ответ в дверях магазина.

Сидор тут же загрустил о прошлом, но и заржал так же, как все другие, как народ, приходящий на юмористические концерты, которые потом транслируются по телевизору.

Кстати, Бронштейн, относящийся к «народному юмору» на ТВ с особенной брезгливостью, называл эту аудиторию «ТЕЛОзрителями».

— Далек ты, Василий Иосифович, от народа, — нравучительно говорил ему Сидор, — ох как далек!

Далекий от народа Бронштейн, обладая, впрочем, вполне народным именем — Вася, поднимал рюмку и только посмеивался, ничуть не возражая.

На заднем запыленном стекле той самой машины у сельмага кто-то пальцем написал комментарий к табличке возле номера. Табличка оповещала: «Осторожно, злая машина». А комментарий на пыльном стекле подводил итог: «Какая жизнь, такая и машина!»

Словом, упертый пессимизм Кошмарюка ежедневно находил все новые подтверждения. В ста метрах от

его дачи начинался лес. Прямо перед ним — небольшая полянка. В центре ее — огромный пенёк. В диаметре — около метра. Большущее дерево спилили, видимо, совсем недавно, так как поверхность пня была светлой и свежей. Но самым примечательным было то, что к этому пню был прибит кусок фанеры с «уместным» в данном случае призывом «Берегите лес». Сидор, когда увидел, сказал: «Ну что ты будешь делать с этим народом!» В народе многое было непонятно обоим друзьям. Вот тут они сходились! По некоторым вопросам разночтений вообще не было. Например, по поводу наших некоторых пословиц и поговорок, а также сказок, которые, прямо скажем, не делали чести их авторам, но, тем не менее, легко ушли в народ и стали популярными настолько, что были прямо-таки у всех на устах. Прижились, короч! Почему-то...

Антисанитарная поговорка «палец в рот не клади» никого не смущает! Мама родная! «Он менял женщин, как перчатки». Что это? Пришло из стародавних времен? Перчатки, надо сказать, в наше время меняют совсем не часто. У Сидора была всего одна пара перчаток, которые он носил лет тридцать. И еще пара меховых рукавиц на зиму. Да и женщин он тоже особо не менял. Была одна... Жена... Ушла, потому что не смогла вынести его желчного занудства, да еще к тому же выяснилось, что она была отпетой шлюхой с очень богатым внутренним миром. Интеллигентка, короч! Всю жизнь изменяла Сидору, и он был единственным, кто об этом не знал. Верил! Но зато теперь он к бабам «на пушечный выстрел». Кстати, еще одна неточная поговорка. С чего это надо «ходить на выстрел» и почему дистанция выстрела является мерилем чего-то неподходящего?

— А что такое «хлебом не корми»? — подхватывал Бронштейн, который тоже, как и Сидор, хотел докопаться до самой сути.

Хлеб теперь — не такое уж дефицитное лакомство, чтобы его можно было употреблять, как пример какого-то ущемления и ограничения. Напротив, диетологи советуют от него вообще отказаться! Или вот бытует мнение, что если «как у Христа за пазухой» — ты в полном порядке. Да вы что, ребята! Этот парень ходил в таком рубище, в такой, извините, драной рубахе, что быть у него «за пазухой» — это по меньшей мере простудиться! И если вспомнить судьбу Христа и во что он был одет... Так что не очень хорошее место для личного благополучия... Но народ, не вникая в суть, твердит о ком-то, кому завидует: «Живет, как у Христа за пазухой». Или про дела говорят, и про жизнь: «Все шло как по маслу». Хорошо шло, стало быть, да?

— Да, да, — вступал Сидор, — никто, ну ведь никто не вникает. Что движение «по маслу» — не лучший вариант. Поскальзываться и падать придется постоянно,

поэтому тот или то, что идет по другой поверхности, придет быстрее и не ломая ног.

— И притом, — подключался друг Васек, — хождение по маслу, так же как и плевание в колодец, — просто шизофрения!

— А что это? При чем тут «плевание в колодец»? — остановил Сидор полет мысли своего партнера.

— Ну здравствуй!.. Забыл, что ли, самую гигиеничную нашу поговорку? Вместе с «палец в рот не клади»?

— Какую?

— Да ты что! «Не плюй в колодец. Пригодится водицы напиться». Хотя, конечно, плевать в колодец, из которого пьешь воду, сама эта идиотская мысль, само это свинское намерение может прийти в голову только кому-нибудь из нашего народа — из народных, как говорится, низов.

В общем, оппозиционный народу дуэт Кошмарюка и Бронштейна звучал с каждым днем все слаженнее и мощнее. Тем ведь для разнообразного недовольства было навалом, и они будто наслаждались, припоминая все больше примеров людской глупости и безобразия. Синхронное плавание своего рода у них получалось. Да и тема пословиц и поговорок была далеко не исчерпана. Ее хватало далеко не на один совместный вечерок.

— Вот скажи, — обращался один пожилой джентльмен к другому, приступая к шекотливой, но невероятно

занимательной теме, — скажи, откуда взялось это дурацкое «бес в ребро», употребляемое по отношению к человеку нашего с тобой возраста, если тот увлекся какой-нибудь молодой барышней?

Так спрашивал бывший стоматолог Бронштейн, который даже слегка походил на лабораторного ученого, своего более простого по виду и происхождению товарища.

Ответ на этот вопрос покоился, вероятно, в глубинах истории. Адам, Ева, ребро и т. д. Но Бронштейн хотел докопаться не только до исторической сути, ему хотелось исследовать вопрос, какое, к чертям собачьим, эта поговорка имеет отношение к сегодняшнему дню и современным пожилым мужчинам. Его мучил вопрос: почему, собственно, «в ребро»? Почему беса заинтересовала именно эта часть тела, чтобы повлиять на старческую похоть того, у кого «седина в бороду»? Бес, по идее, должен был заниматься другим местом, несколько пониже. Или здесь все-таки содержится древний смысл сотворения женщины из ребра? Но тогда бесу совершенно не обязательно ждать «седины в бороду», он может запросто совращать мужчин любого возраста.

Сидор был совершенно согласен с теоретическими изысканиями своего партнера по дискуссиям, несмотря на то что его ребро не находилось в зоне внимания коварного беса. Но, может быть, пока... Кто знает, что будет потом?.. Ведь Сидор еще не так стар и, возможно, что-то в будущем его ждет... И его ребро будет все-таки атаковано...

Поводов для ядовитой критики у собеседников находилось множество, однако чудеса национального фольклора казались неисчерпаемыми, и к этой теме они возвращались чуть ли не ежедневно. Что такое, к пример, «правда глаза колет»? И почему именно глаза? Почему не «ухо режет»? Хотя правду чаще слышат, чем видят. Но в обоих выражениях есть общее: их роднит садизм!.. И выколотые глаза, и резаные уши несколько омрачают эстетическую сторону упрека в защиту правды, которая «колет и режет»... но временами, оказывается и ее, «правду-матку», опять-таки режут!

Джунгли наших словообразований и выражений все время предлагали дачникам углубиться в них, но с риском заблудиться, потому что ответы на поставленные вопросы не находились.

Поговорка «Волка ноги кормят» явно напрашивалась на дискуссию. Ну, волка — это понятно, а мы-то тут при чем? А другие люди, которых кормят вовсе не ноги? Ведь в поговорке подразумевается, конечно, не волк, а человек... Но мы знаем ведь очень многих, кого кормят руки... А есть еще некоторые, которых кормит,

страшно сказать, голова! У поговорки этой есть, разумеется, первоисточник, автор, но ему самому, наверное, и в голову прийти не могло предположение, что кормить могут не только ноги.

А это, скажите, пожалуйста, что означает, — «конь не валялся»? Употребляется повсюду, если нужно обозначить беспорядок, недостроенность, неготовность к чему бы то ни было.

— Вот у тебя, Васек, — упрекал Сидор соседа, — баня до сих пор не доделана! Решил, понимаешь, построить баню, и что? Конь не валялся! — И тут, естественно, завязывалось лингвистическое, научное, можно сказать, обсуждение этой народной загадки. При чем тут конь? Если он «не валялся» при воздвижении бани Бронштейна? А, наоборот, если, то как? Стало быть, если он, конь, валялся, значит, все в порядке? Значит, валяющийся конь символизирует, таким образом, порядок, в том числе и для строящейся бани непутевого Васька? «Непутевого» потому, что в строительном деле Бронштейн был, мягко говоря, не виртуоз, и Сидор по отношению к нему употребил еще одну оскорбительную поговорку, что, мол, у него «руки из жопы растут», хотя представить себе картину такой мутации — страшно. — Баню строить, Васек, — нравоучительно заметил Сидор, — это тебе не зубы сверлить.

Бронштейн не обиделся и сказал ему в ответ, что зато, мол, Сидор, «на все руки мастер».

— На все две, если у тебя их не больше... Как у осьминога, скажем...

— Все две, — повторил Сидор и добавил: — Вот еще одно идиотство! А уж вот это ублюдочное «бьет, значит — любит». Это какой же садюга родил такую «народную» мудрость? Уж нечего и говорить про такую неаппетитную для русского человека поговорку, которая явно пришла к нам с Корейского полуострова: «Он на этом деле собаку съел». Пришла эта поговорка и каким-то чудом осталась. И все ее употребляют.

— Да, собакам у нас досталось от народа, — раздумчиво и сострадательно добавил Бронштейн, — смотри, ведь «как собак нерезаных» — это значит очень много, перебор. Ну не гадость, скажи?! Значит, резаные собаки, стало быть, норма! Резаные, — с отвращением повторил Васек, — уши, собаки... Живодерня какая-то, а не фольклор!

Друзья помолчали, проводив мысленно всех несчастных собак из народных выражений в их последний путь.

— А я все же знаю, — прервал молчание Сидор, — по крайней мере одну пословицу, которая хотя бы понятна, вопросов не вызывает.

— Какую? — с живейшим интересом повернулся к нему Василий Иосифович.

— Язык до Киева доведет! — победно провозгласил Сидор Игнатьевич.

— Русский? — ехидно поинтересовался Бронштейн.

— Что — русский? — не понял Сидор.

— Язык русский! — с горечью повысил голос Василий Иосифович, у которого в Харькове и Киеве жили родственники, все Бронштейны, которые разговаривали исключительно по-русски, но это теперь было, деликатно говоря, не модно.

— Да, как-то не подумал, — признал поражение Сидор, — была да сплыла поговорка, изжила себя. — Они еще помолчали. — Кто бы мог предположить...

— А сказки наши! Ну не ужас?! — проснулся в Бронштейне гуманист и добряк. — Ну ты погляди! «Морозко», например. Злая мачеха приказывает мужу отвезти дочку в лес и там оставить! Зимой! А?! Каково?! Этот, с позволения сказать, мужчина ее слушается! — Негодование Бронштейна растет: — Этот мудака, прости господи, плачет, но везет! И оставляет! Надо бы сказку сегодня немного изменить. Отцу дать лет немного поменьше, рассказать о нем, и сказку назвать актуально — «Отморозко». Да? Ты как думаешь?!

Сидор об этом не думал, хотя соглашался с соседом в том, что сказка «Морозко» жестока и даже аморальна. Его мысли все возвращались к тому разделу наших поговорок, который освещал половую жизнь отечества. Он задумчиво смотрел на озерную гладь, озеро, на берегу которого они в этот раз вели беседу. Недавно мимо прошел толстый казахский мальчик в женских тапках. Сидор знал, что казахский, так как был знаком с его родителями, которых неизвестно каким ветром занесло пару лет тому назад в их поселок, и они тут обосновались. Их мальчик был настолько ленив, что, отплыв от берега десять-пятнадцать метров, повисал в воде и ждал, пока его не прибьет к берегу слабая озерная волна. Женские тапки мальчика вновь навели Сидора на злободневную для него тему женского вероломства. Да уж если на то пошло, любая теперь деталь, хоть пуговица от женской кофточки, могла его бросить в трясину переживаний, разбередить старую рану... Ох ты! Прям болезнь! Эта любовь проклятая! Вот и теперь решил поделиться с другом своими соображениями на этот счет.

— Вот скажи, Васек, — с выстраданной болью обратился он к Бронштейну, — скажи, откуда взялась эта хрень: «Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок». Бабы, которые слишком верят в эту поговорку, не понимают, что желудок — этап промежуточный, и удивляются потом, что их бросили. Главное место так и не сделали заманчивым и поплатились. И наоборот, Анька моя убежала к этому своему Ашоту сразу и без оглядки почему? Да потому, что они эти промежуточ-

ные этапы — желудки, цветы, разговоры — промахнули сразу и сразу перешли к главному, к сексу. А я с ней эту часть жизни как-то упустил. «Интим не предлагать», — как в объявлениях пишут... Ни фиги! Надо было предлагать, и почаще!

Бронштейн понимающе кивал головой. Он ведь тоже был, как и сосед, одиноким. Они оба были своего рода «брошенки». Только Бронштейна жена не бросила, а умерла два года назад. То есть бросила, оставила, но по-другому.

В последние годы эта дама с косой разошлась не на шутку. Сделала для этого ближайшей помощницей онкологии. Та оправдала доверие дамы с косой и распоясалась окончательно, стала исполнительным и усердным палачом. Рак у жены Бронштейна — Веры — был вполне операбельным, и операция обещала успех на пятьдесят процентов. Однако Вера попала в другую половину. Василий Иосифович больше не женился и даже попыток не делал.

Так что оба, нельзя сказать что старика, остались на земле одни, и то, что они друг друга нашли, было для них большой удачей и лекарством от тоски и меланхолии.

Всем известно, что многие старики или даже просто пожилые люди все время оглядываются назад, в прошлое и серьезно полагают, что раньше все было гораздо лучше. Редкие из них пытаются жить сегодняшним днем и спокойно принимать все его реалии, понимая, что изменить ничего не могут, и руководствуясь одной из библейских истин, чрезвычайно полезным советом свыше: «Терпением вашим спасете души ваши».

И даже эти, самые продвинутые пенсионеры не застрахованы от типичного старческого брюзжания. Время от времени они впадают в типичное резонерство и ошибочную уверенность в том, что уж они-то точно знают, как лучше и правильнее жить. И тогда они роняют фразы типа «а вот в наше время», и им при этом даже не смешно. Но потом чувство юмора, если оно у них все же сохранилось, заставляет взглянуть на себя со стороны, удивиться своей банальности (как?! И я туда же?!) и остановиться. Критика молодежи и окружающей действительности никчемна и только портит нервы. Бронштейн это давно осознал, и все его реакции были поэтому окрашены мягкой иронией и философским созерцанием брэнного мира, а также его несовершенной, а временами, даже неприятной части — человеческой популяции как неудавшегося опыта Создателя. Бронштейн все-таки по природе был теперь наблюдателем, а Сидор все еще не устал и возмущался. Его иногда взрывало то, к чему уже давно пора было привыкнуть.

Вот лишь недавно он заметил, что бандиты и менты в чем-то очень похожи. Волею судеб они по раз-

ные стороны. Но природа-то одна, слова одни. В огороде, наблюдая за всходом редиски, он слушал радио «Шансон». И вот именно в день милиции, во время дневной борьбы с сорняками, он услышал, как полицейские и их жены заказывали исключительно блатные песни. Два берега у одной реки, которую переплыть — раз плюнуть! Да чего там! Во Дворце съездов, прямо перед бюстом Ленина (при рассказе другу об этом Сидор неожиданно для себя перекрестился), автор и исполнитель по фамилии (тут Сидор поморщился) Розенбаум пел «Гоп-стоп!» И весь зал, весь депутатский корпус подпевал! И все знали слова наизусть!

— Ну и что? — пожал плечами друг Васек.

— Да как ты не понимаешь! Бандитская песня! Во Дворце съездов! Съездов КПСС! Сечешь!

— Ну и что? — опять не оценил абсурдность момента Бронштейн, сочтя его вполне привычным и недостойным такого возмущения, которое кипело в пролетарской груди его товарища.

— А-а! — махнул рукой Сидор. — Что тебе объяснять! Ты же такой же Розенбаум, только Бронштейн!

— Да!.. А народ наш при этом стонет... — увел Василий Иосифович Сидора от щекотливой антисемитской темы.

Любую пошлость Бронштейн воспринимал крайне болезненно. От пошлости его могло бы даже стошнить. И его воротило от любого проявления — что сионизма, что антисемитизма. Его представления о пошлости сюда, естественно, вписывались. Но ссориться с Сидором не хотелось. Поэтому он и перевел стрелку на народ, который стонет. В конце концов слово «сникерсни» не менее омерзительно, чем «антисемитизм» или, наоборот, «русофобия».

— Да что тебе наш народ! — продолжал Сидор заострять тему. — Дался тебе наш народ! Что тебе за дело до этого народа! Стонет он... Да он всегда стонет, народ наш! Он любит стонать! Не может не стонать! И даже если все будет хорошо, все равно будет стонать! Повод найдется и для стога, и для нытья, и для злобы.

— Ну... не весь же народ, — деликатно возразил Бронштейн, — кто-то зарабатывает, живет и не ноет.

— Ну да, кто-то. Только всех, блин, поделили! На тех, кто зарабатывает деньги, и на тех, кто «делает бабки».

— А кто поделил-то? — подталкивал Бронштейн друга к терпимости.

— Да кто-кто! Ясно кто! Кто власть взял! А при взятии власти надо вперед всего обосрать старую власть. У всех митингов задача одна — найти и облить помоями виноватых. Ну, тех, от кого, дескать, народ стонал. А теперь, мол, когда новые начальники придут, народ стонать пе-

рестанет. Вот как только они на выборах победят, тут же нытье и прекратится. Ага! Щас!

— Закругляемся, — подытожил Василий Иосифович. — Солнце заходит. Комары налетели. Итог один, я думаю. Все население, по-моему, состоит из трех групп: дельцы, идеалисты и народ. Идеалистов немного, но они верят. А руководить будут всегда дельцы. Идеалисты будут потом тихо сидеть на гуманитарных задворках и бунтовать, как всегда, на своих кухнях, а потом — на бессмысленных митингах. Потом пар выпустят и заживут по-прежнему.

— А народ? — уныло переспросил оппонент Кошмарюк.

— А народ как обычно... Кто-то будет продолжать стонать, роптать и ныть, — усмехнулся либеральный созерцатель Бронштейн, — а кто-то станет несомненным патриотом. Ладно, пошли домой...

Дискуссионный клуб на завалинке, а точнее, на бревне у озера закрылся. Дискуссия, чем бы она ни заканчивалась, неизменно вела друзей к столу и умеренному, интеллигентному (как бы ни возражал против термина Кошмарюк) выпиванию.

* * *

Деревня Свистуново, в которой жили и соседствовали Сидор Игнатьевич и Василий Иосифович, постепенно, как и многие другие, превращалась в коттеджный поселок. Да это и понятно: недалеко от Москвы, живописное озеро, и пока недорого. Аборигены сильно пили и терпеть не могли дачников. Крохотный пляж, на котором, сидя на бревне, иногда беседовали друзья, был чуть ли не единственным местом у озера, которое местные жители еще не успели загадить. Само озеро было прекрасно и в любом ракурсе подошло бы для рекламной художественной открытки, но... Не будем забывать, что штурм Зимнего дворца ватагой матросов и солдат продолжился тем, что залы и вся эта красота потом выглядели как заброшенная конюшня для списанных лошадей. И кто-то из некрикливых патриотов вскоре обронил горькую фразу: одно из любимейших занятий наших людей — это насрать в вазу. Вот так и здесь: озеро, эта жемчужина природы, и его берега были засраны так, что подойти к нему без угрозы во что-нибудь вляпаться было почти невозможно. Но местные пробирались, потому что по-своему тоже природу любили и любили на ней (на природе) выпивать и закусывать. Одному из них очень нравилось по пьяни не выбрасывать пустые бутылки, а разбивать их тут же об камень и осколки закапывать в песок.

— А чтоб поранились суки-отдыхающие! — говорил он от всей души. — Они сюда загорать едут, а мы тут живем!

Этот зыбкий аргумент служил неоспоримым подтверждением правоты местных любителей природы и таким образом оправдывал их классовую ненависть по отношению ко всяким там Сидорам и, особенно, Бронштейнам.

Бронштейн, кстати, был в душе отпетым романтиком. Его созерцательный цинизм не особенно прочно прикрывал нежную, ранимую и романтическую натуру. «Циник — это уставший романтик», — любил при случае повторять Василий Иосифович, зная, что это изречение — не его, а очень умного человека. Но это неважно. Если кто-то так сказал, значит, он не одинок и у него есть единомышленники.

Поэтому в его наблюдениях за гримасами окружающего мира была своя поэзия и лирическая печаль. В деревне (или теперь уже — коттеджном поселке) Свистуново все же сохранилось несколько старых домов, хозяева которых упирались и участки свои не продавали, то есть не сдавали позиций и не прогибались под рынок, держались гордо из последних сил. Они дорожили своими старыми, доставшимися по наследству домами и особенно хозяйством, в котором были и куры, и кролики, и, конечно, коровы.

— Куда ж я брошу свою Зорьку, — говорила хозяйка Галя всякий раз в ответ на очередное предложение продать дом и участок.

— Так продай и ее, уважаемая, — уговаривал очередной покупатель, — продай на мясо, — добавлял он, задевая тем самым хозяйку за святое, за незыблемые для нее деревенские ценности. Тем самым потенциальный покупатель отрезал сам себе путь к продолжению торга.

— Ты что, псих?! — сразу начинала грубить Галя. — На мя-ясо! Ишь чего в голову-то твою дурную приходит! Она нам родная, корова эта! Она нам — как мать! И кормилица, и умница! А ты, урод городской, — на мя-ясо! Тебя бы, козла, самого на мясо! Да никто и не купит такое мясо гнилое! Последний людоед побрезгует!

На этом их неконструктивный диалог заканчивался, и скупщик деревенских домов под коттеджи уходил ни с чем.

Галя представляла собой довольно милостивую на лицо и фигуру женщину неопределенного возраста. Ей можно было дать и сорок, и шестьдесят. А все потому, что впечатление смазывал единственный зуб, нахально торчащий у Гали прямо спереди, в линии улыбки. Так что составить правильное представление о ее возрасте Бронштейн не мог. Он регулярно покупал у Гали парное молоко, высоко оценивая достоинства Зорьки — именно как коровы, а не близкой родственницы хозяйки.

В Галином дворе неспешно ходили куры, даже не думая уступать дорогу посетителю с бидоном. Двор, ка-

жется, не убирался никогда и был густо усыпан куриным пометом. И Бронштейну потом обязательно надо было дома мыть резиновые сапоги, в которых он ходил добывать молоко, а иногда и яйца. За эти яйца Василий Иосифович курам мог простить все, не только грязь и помет, но и презрение к каждому его визиту. Чудесные были яйца, не магазинные, что и говорить!

Там, в глубине двора у забора, неряшливый мужчина с испытанным лицом и всегда торчащей в углу рта папирской чинил шедевр отечественного автопрома — автомобиль «Ока». Он его все чинил, чинил, а тот никак не чинился и никуда не ехал. Вот сколько Бронштейн ни приходил (уже третий год!), а транспортное средство «Ока» как стояло в дальнем углу двора, так и продолжало стоять.

Еще из непеременимых атрибутов этого двора была маленькая собачка с чудесным именем Беда.

«Ну почему, скажите, — обращался Василий сам к себе и к небу, — почему эту крохотную дворняжку размером с небольшого суслика и огромными, как у Чебурашки, ушами, зовут Беда? Кому и в каком состоянии пришло в голову так собачку назвать?!»

— Беда, — кричала иногда Галя на весь двор, — Беда! Ко мне! — При этом она вовсе не боялась наклепать беду на свою голову.

Она звала собаку и вообще звала так собак обедать. «Собак» — потому что там была еще и вторая, с оригинальным именем Шарик. Шарик был псом большим, но подловатым и трусливым. Если он был не на цепи, то спокойно и равнодушно, даже не твякнув, пропускал всех, кто шел во двор через калитку. Но стоило ему оказаться на цепи, как он готов был разорвать всех. Глаза у Шарика становились оловянными, он рвался с цепи и злобно лаял, даже хрипел в своем сторожевом экстазе. Такое же Бронштейн замечал у некоторых людей: мол, держите меня, держите, а то я за себя не ручаюсь! Но лишь стоило отпустить — они тут же скисали и делали вид, что погорячились...

Недавно выяснилось, что мужик, чинивший «Оку», — бывший Галин муж, который живет здесь же, на другой половине дома, потому что ему жить больше негде. Но они как-то, даже по-товарищески, общаются. Гришка (так зовут экс-мужа), если, будучи пьяным, застаёт пришедшего за молоком Бронштейна, непременно кричит ему через весь двор одно и то же:

— Йосич, бери мою Галку в жены! Бери! За два литра отдам!.. Ну, за полтора! Бери, не пожалеешь! И к тому же будешь ближе к народу! А ты ведь страшно далек от народа, — невольно повторял Гришка слова одного из идеологов марксизма.

Галя, стоя на крыльце, трогательно смущалась, прикрывая рот платком.

— Галь, а чего ты зубы-то не вставишь? — подходил к ней кандидат в женихи с бестактным вопросом.

— А-а! Че на это деньги-то тратить? — отвечала потенциальная невеста. — Денег-то жалко, — страшно улыбалась она. — А я уж как-нибудь так доживу.

И с невеселым лицом Бронштейн уносил молоко на свою дачу.

«А ничего не изменилось, — размышлял доморощенный философ Васек. — XX век, XXI, перестройки, социализм “с человеческим лицом”, а после капитализм с лицом бесчеловечным — все один черт! Сначала — радостная истерика революции (кстати, у всех революций радостная истерика, буза, анархия, веселое хамство, когда так хочется свободы, что нестерпимо тянет перевернуть какую-нибудь машину), а после — все одно — однозубая Галка, бухой мужик во дворе и собачка с говорящей кличкой Беда. Жаждали перемен воспаленные мозги революционеро... А потом...»

Потом то, что он увидел на днях в телерекламе: «Товары по бессовестно низким ценам». «“Бессовестно” — какое подходящее слово, — подивился тогда Василий Иосифович. — Никто, кажется, — не сопоставил два слова, не порадовался их созвучию: олигарх и аллигатор! Блеск! Бессовестная, опять же, у них радость насыщения! Бесстыжее, я бы сказал, удовольствие!»

Философ и деревенский политолог Бронштейн размышлял и со своим личным бессовестным удовольствием думал о том, как вечером они с Сидором посидят дома, а не на озере, без комаров и слепней, хорошенько выпьют и вкусно закусят, а потом бессмысленно поспорят о дальнейшей судьбе России и ее неприятных взаимоотношениях с Америкой. Водка с пленительным названием «Ну что?..», привезенная ему в подарок приятелем из Смоленска, еще больше украсит их традиционный досуг. Да-да, водка именно так и называется: «Ну что?..» Истинно русское, наше название паленой, скорее всего, водки. Типа — ну че? Слабо меня хряпнуть?! «Да, интересные бывают у нас выражения, — додумывал Бронштейн. — Как и поговорки, так и поступки. На другой язык непереводаемо... А друг Сидор, — усмехнувшись и чуть ли не вслух продолжил Васек, — сказал бы на это: “Ну и не хрена им нас понимать! Не их собачье дело с их вискарями и текилами разбираться — что для нашего человека значит водка “Ну что?..”»

Их крепкая, сцементированная общим отношением ко всякого рода несправедливостям дружба казалась нерушимой, уверенной и стабильной до тех пор, пока... Нет, конечно, дружба в принципе осталась, отношения не изменились, просто встречи стали реже, лишились, так сказать, приятной регулярности. Впрочем, обо всем по порядку...

Дело было так. Однажды Сидор Игнатьевич решил навести порядок в доме и выбросить все лишнее. «Лишним» оказались книги. Не особенные какие-то книги, а так, типичный набор хрестоматийной классики, который был у него на даче, кажется, всегда, вот сколько он себя помнил. То ли эти книги он сам когда-то покупал, то ли приносил кто-то или дарил Сидору в день рождения всякий раз со словами «Книга — лучший подарок». «Лучшие подарки» в большом количестве скопились в доме Сидора, занимали довольно много места и стали хозяина раздражать, особенно с той поры, как он возненавидел интеллигенцию. Полки нужны были для инструмента и для банок с огурцами и помидорами, которые Сидор по кличке Хрен сам закручивал и заготавливал. Книги, впрочем, были в основном хорошие — Пушкин там, Чехов, еще кое-кто, но кому они еще понадобятся в Сидоровом доме, кто их будет читать: детей нет и не будет, а сам Сидор уже давно довольствовался телевизором, хотя и в нем мало находил того, что не вызывало бы раздражения.

Итак, он собрал в два объемных черных мешка для мусора всех этих Пушкиных, Чеховых и Толстых и, напрягаясь от тяжести своей интеллектуальной собственности, понес к мусорному контейнеру. Контейнер располагался на центральной площади их поселка, которая часто служила местом встреч обитателей дач.

Тусовались жители, короче, прямо у мусора. Там же проходили еженедельные собрания членов этого садового товарищества. Жаркие споры о благоустройстве поселка проходили на фоне пищевых отходов и всякого хлама. Температура дискуссий, часто переходящих в скандал с взаимными оскорблениями, особенно во время перевыборов правления кооператива, отвлекала его членов от запаха из мусорки. Никто не обращал внимания на то, что вонь и скандал друг другу соответствовали по форме и содержанию. Постичь эту иронию было бы слишком изысканно для жителей садового товарищества. Для всех, кроме, разумеется, Бронштейна, но тот даже не пытался обратить внимание соседей на сочетание вони и склоки и призвать их жить дружно. Его бы не поняли, а может быть, даже побили.

Сгибаясь под тяжестью культурного наследия предков, Сидор пер свои мешки на центральную площадь. С противоположной стороны к площади приближалась стройная молодая женщина в очках. Они встретились прямо у контейнера. Прежде чем забросить тяжелые мешки в контейнер, Сидор поставил их на землю и поднял глаза на женщину. В их поселке, как и во всех деревнях России, было принято здороваться даже с незнакомыми людьми. Сидор и хотел поздороваться, но не смог выдать из себя ни звука... А не смог, потому что оцепенел, остолбенел, очоленел и потерял дар речи. Все, кто верит в любовь с первого взгляда, могли бы в эту минуту получить в лице старого хрена Сидора реальное подтверждение своей веры. Кто знает, откуда берется этот импульс, этот электрический разряд, то, что теперь отчего-то называют химией. Что это? Лукавый весельчак Амур, со своим луком и стрелами притаившийся в тени за мусорником и выпустивший свою коварную стрелу прямо в неготовое к этому, незащитное сердце Сидора Кошмарюка! Или же старому хрену Сидору, прожившему всю жизнь без всякой такой обременительной любви, судьба послала сегодня последний шанс — испытать еще хоть что-нибудь, помимо злости и недовольства с вечным отсутствием улыбки на лице. Зачем разбираться в этом? Главное, что это состоялось! Пока без ответа, в одностороннем порядке, но уже все! Этого поразительного и поразившего его чувства у Сидора уже никто и никогда не отнимет!

Девушка тоже остановилась, бросила свои скромные отходы жизнедеятельности в контейнер и поздоровалась. Сидор снова не смог ответить, но застывшая полуулыбка на его лице дала молодой женщине повод все же наладить минимальный контакт. Она сочла возможным первой протянуть руку и представиться.

— Энгелиса, — тихим и нежным голосом произнесла она.

— Сидор, — прохрипел в ответ наш погибающий герой. И добавил на случай, если понадобится, а ей-то наверняка понадобится, ведь он значительно старше: — Игнатевич... — И пошатнулся, ибо эта встреча у мусорника обернулась для него настоящим стрессом.

— Вам плохо? — с неподдельным участием спросила Энгелиса.

— Да чепуха, сейчас пройдет, — успокоил Сидор, а она сняла очки и внимательно посмотрела на него — не обманывает ли, не нужна ли помощь? А еще при этом взяла его за руку. И Сидор понял в этот миг, что он пропал окончательно. У нее были длинные рыжие глаза, скрытые до этого за дымчатыми стеклами очков с сильной диоптрией. И когда она их сняла, Сидор успел там заметить этакую, знаете ли, застенчивую чертовщину, а это совмещение, как правило, фатально для мужчин старшей возрастной категории.

— Подождите, — продолжала она заботиться о здоровье нового знакомого. — Вам, наверное, стало плохо оттого, что мешки тяжелые, да? Давайте я помогу вам их туда забросить.

Она взялась за один мешок и не смогла его даже оторвать от земли.

— Что же там у вас? — засмеялась она. — Кирпичи, что ли?

— Книги, — простодушно ответил Кошмарюк, самостоятельно берясь за мешок.

— Что, что? — вдруг потрясенно переспросила она.

— Книги, — повторил Сидор.

— Какие?

— Да всякие... фантастика, там, классика вот тоже...

— Да? И что за классика?

Сидор перечислил тех, кого помнил.

— И вы... это хотите выбросить?!

— А что, мне уже не нужно... — почти оправдывался Сидор, почувствовав в ее вопросах и интонации горячее осуждение его намерения выбросить на помойку гордость отечественной литературы. Он был растерян, а Энгелиса это почувствовала и пожалела его.

— Вы знаете, что у нас тут есть маленькая библиотека?

— Да вроде слышал, — смущенно пробормотал он.

— Я работаю там. Я библиотекарьша! — почти с вызовом произнесла она. — Почему бы вам не отдать свои книги нам, в библиотеку, вместо того чтобы их выбрасывать?

— Да я с удовольствием. Только мне почему-то и в голову не пришло... Хорошо хоть вас встретил... Повезло мне, — продолжил он, думая о везении иного рода. По всему, и он тоже был ей не противен, несмотря на его дикое бескультурье. Он почему-то знал это, почув-

сволав... — Давайте я прямо сейчас отнесу все в вашу библиотеку.

Его энтузиазм, продиктованный зародившимся влечением, был ею так же воодушевленно поддержан. И они понесли мешки в библиотеку. Один мешок Сидор нес сам, а другой они несли уже вдвоем, держа его за разные углы. Но они уже с этим мешком были вместе.

— Простите, — по пути не удержался грубый Сидор от прямого вопроса, но спросил все же застенчиво: — А откуда у вас такое имя странное, Энгелиса?

— Это отцу моему спасибо, — засмеялась она. — У него был кумир — Фридрих Энгельс. Вот в честь его и называли.

— Это тот, который с Марксом? — проявил Сидор оведомленность и эрудицию.

— Вот-вот, именно он, — продолжала смеяться она.

Они шли к библиотеке, о существовании которой в их поселке Сидор даже не подозревал. А потом они стали видаться часто, потому что с этого дня Сидор Игнатъевич Кошмарюк стал регулярно наведываться в библиотеку. И вовсе не для того, чтобы почитать и обогатить свои знания. Интересно еще и то, что Энгелиса, которую он, испросив разрешения, называл теперь просто — Геля, видела, что этот мужчина с внешностью старого солдата робеет и стесняется, не знает, как с ней говорить, не теряя при этом осанки и выправки. Ее это поначалу забавляло, но постепенно она стала привыкать и внимательнее присматриваться к Сидору. Она стала догадываться, что за ней ухаживают. Старомодно, наивно, но — ухаживают! И если Сидор по какой-то причине не появлялся в библиотеке пару дней, она чувствовала, что ей уже чего-то не хватает. Словом, до симпатии с ее стороны было рукой подать. А там, глядишь, и до любви недалеко...

* * *

Сидор Игнатъевич никогда не задумывался о том, что жизнь идет к концу: зачем, если и так все ясно. Чего настроение-то портить?! И так понятно, что старость и смерть — ближайшие подруги. Старость готовит человека к неизбежной встрече с подругой. А когда та по какому-то странному капризу, нелогично, до срока расправляется с молодым человеком, — подруга и деловая партнерша, — старость даже обижается немного: что ж ты не дала над человеком поизгаляться? Поогорчать его? Ну, в смысле здоровья, потерь, возрастных неудач, крепнущего маразма и т. д. Для чего? А чтоб погрузил, стишки какие написал об ушедшей молодости, о том, как быстро жизнь прошла, о том, как быстро время бежит, и прочую тоскливую лирику. Пусть тоскует, пусть

привыкает... А тут, понимаешь, смерть его забирает, не отдает старости, и она смиряется с тем, что молодые — это любовники смерти, а потом забудет, и снова живут в согласии две подружки-вострушки, старость и смерть. Живут дружно, работают в паре, не ссорятся.

Тем не менее есть некоторые индивидуумы, которые старости сопротивляются, живут под девизом «Никогда не сдавайся!». Эта их борьба со старостью, в которой заранее известно, кто одержит победу, саму старость даже не беспокоит и тем более не злит. Конец ведь все равно один. Но уважение все-таки вызывает.

Коснемся, пожалуй, мужского сегмента таких индивидуумов, женщины в этом плане — особая тема... Такие мужчины думают, что молодая жена или подруга, любовница, — это своеобразная инъекция от старости. А на самом деле — лишь иллюзия продления молодости. Да, действительно помогает... Но ненадолго. Сперва он и правда «молодеет», живой такой становится, глаза блестят, движения резче, одевается в спортивную одежду, худеет, а потом смотришь — еще хуже стал, чем был. Впрочем, и противники таких связей — такое беспощадное дерьмо, что тех из них, кто молод, становится даже жаль, так как они, обличая и ругая чужой «мезальянс», неосмотрительно плюют в свое собственное будущее: ведь и у них может приключиться такое, и будущее им оплатит той же монетой. Ну а люди в возрасте, гневно осуждая, выглядят при этом попросту банальными и глупыми. Им хочется, чтобы все было по правилам, чтоб все «как у людей», чтобы «как положено». А кем положено, чтобы люди женились на ровесницах, чтобы разница в возрасте была «пристойной»? Зачем положено? Никто не знает... Но не хочет общественность избегать банальностей, большинство хочет жить по правилам, так спокойнее, ничто не возмущает. А кто вырывается за рамки «правил», не хочет жить как все, тот почти враг... И общественность начинает все время долбить такого возмутителя спокойствия «разницей в возрасте». В лучшем случае, когда долбят в щадящем режиме, пишут что-нибудь вроде «Несмотря на колоссальную разницу в возрасте... год и три месяца» и т. д.

Сидор Кошмарюк давно поставил крест на своей личной жизни, но с появлением в этой личной жизни библиотекарши Энгелисы он начал мечтать. Раньше, давно, он тоже мечтал, а потом перестал. И надолго. А теперь, думая об Энгелисе, он свою главную мечту прежних лет присоединял к ней. Перспективы, как говорят, «ведения совместного хозяйства» с Энгелисой были весьма (вот опять выплыло это мерзкое «интеллигентское» слово, но вот приходится употребить), именно «весьма», туманны, если были вообще. Но все-таки — а вдруг! Помечтать-то можно... Так вот,

главной лучезарной мечтой Сидора было побывать когда-нибудь в Венеции. А теперь эта мечта соединилась с волшебным образом Энгелисы. Прежде, когда у Сидора спрашивали, есть ли у него мечта, он не отвечал, потому что стеснялся, мол, где он и где Венеция? Не знал, как можно вслух произнести слова про заветную мечту и как вообще можно озвучить мечту. Теперь знал.

Несмотря на внешнюю грубость и скупость в выражениях, Кошмарюк, как мы уже и намекали читателю, обладал тонкой и нежной душой, но она была в нем глубоко запрятана и наружу не высывалась. Теперь ее время пришло. Скрытая сущность и потому никогда не употребляемые в жизни слова противоречили сегодняшним его принципам, жизненной, можно сказать, концепции. Не дай бог, кто-нибудь увидит или догадается, что брюзга и склочник, вечно всем недовольный Сидор, тоже, как и его сосед, в сущности — нежный романтик, чье сердце теперь вдруг стало открытым для любви. Спавший мертвым сном поэт в Сидоре Кошмарюке проснулся и стал рождать слова, никогда не произносимые вслух и существующие только в мыслях и тайных желаниях. «Клубились мечты», — сказал бы сегодня тот поэт внутри нашего героя, если бы ему позволили высказаться. А уж его, Сидора, школьные знания о Венеции в молодости рождали лишь смутные предощущения музыки, сказки, недостижимого счастья и, может быть, даже красивого и короткого романа с какой-нибудь итальянкой. Романа, окрашенного томительным счастьем и тоской, потому что неизбежно расставание. И пусть бы они с этой итальянкой ни слова не понимали на языке их стран, но язык любви был настолько понятен и мелодичен, что слова только помешали бы. Осень. Венеция. Запах моря и водорослей. Крохотные пустые кафе по берегам каналов. Они вдвоем в гондоле с крытым верхом. Целуются. Гондольер поет «О соло миа». Дворцы венецианских дождей проплывают мимо. И всем известный патриот Венеции, но русский поэт Бродский пройдет по набережной, увидит Сидора в гондоле и небрежно взмахнет своей круглой панамой-котелком. И все возможно, все впереди: Венеция, любовь или томление в орудии, которое легко можно принять за любовь. «Все, все еще возможно», — думал Сидор в ту пору, лет еще десять тому назад. Он надеялся, зная, что жизнь уже почти прошла. И какая жизнь! Не то что без Венеции, а вообще без всего, что можно было бы вспомнить, улыбнувшись и вздохнув. Ну ничего не было в жизни Сидора Кошмарюка, кроме Советского Союза и связанных с ним привычек, страхов и комплексов, намертво укоренившихся в нем с тех времен. Мечта его тихо угасала, и он вместе с ней...

Словно заморозил себя. И денег на поездку не было, и уже не так хотелось, и Венеция уплыла куда-то в ту-

манную даль. Сидор решил больше не дергаться, доработал охранником до пенсии, продал городскую квартиру, купил домик на берегу озера и больше уже от жизни никаких сюрпризов не ожидал. Сын давно уехал с женой на Дальний Восток. Один жил Сидор Кошмарюк, по прозвищу Старый Хрен, а в последнее время — просто Хрен, совсем один, до появления по соседству бывшего стоматолога, Бронштейна, ставшего потом его единственным другом.

Но теперь... Теперь вообще все по-другому! Дряхлеющая душа Сидора вновь ожила. Прежде, давно главную роль в его мечтах играла какая-то придуманная, эфемерная итальянка, а сейчас ее место заняла вполне реальная библиотекарша Геля. Но она об этом пока ничего не знала. Да и он о ней ничего не знал. Не знал даже, замужем ли она, не совсем ли в таком случае его мечты беспочвенны. А спросить об этом еще время не пришло. Но потом она ему все расскажет. Ведь не может же быть, чтобы их отношения прервались, едва начавшись. Это было бы совершенно негуманно и несправедливо со стороны судьбы, а также автора, который большинству людей желает счастья и покоя, добра и удачи. Ведь Сидору не молодость была нужна, ему нужно было поддерживать жизнь в себе. А Геля была той, которая могла этому помочь, и, значит, и нам пора что-нибудь узнать о ней, еще до того, как ее узнает влюбленный Сидор Кошмарюк.

Молодая женщина 35 лет была, по счастью для Сидора, абсолютно свободна от матримониальных обязанностей и более того, замужем она не была никогда, так уж получилось. В жизни несовременной Энгелисы был всего лишь один мужчина, но и он по большому счету оказался тупым, невежественным, не тонким, нечутким, недушевым, в смысле — бездуховным и грубым человеком, иногда склонным к хамству. А она, окончившая в свое время институт культуры, начитанная девушка, воспитанная на лучших образцах мировой литературы и сама, втайне от всех, пишущая стихи... да что там говорить! — характеры, как видите, диаметрально противоположны. И надо же было ей, с ее тонкой и ранимой душой, напороться на такого мужлана, как Вадим Петрович. Она оказалась жертвой случайной, а с его стороны — преднамеренной — связи.

Вадим Петрович, крупный предприниматель с абсолютно бандитской рожей, был сказочно богат. До того богат, что прямо скучно. Однако принципы у него были. Были принципы у Вадима Петровича! Как же без принципов-то?! И без основных заповедей? «Не убий», например. Он никого и не убивал сам... А мог! И хотел! Но сам — ни-ког-да! Или вот, например, — «Не прелюбодействуй!» Вадим Петрович был женат, но у него, как и у всех людей его круга, была подруга. Так было

принято, у всех же были подружки или любовницы для, как говорили в старину, «натурального удовольствия». Так какое же это прелюбодеяние?! Не грех это, а, типа, режим дня!

В женщинах Вадим Петрович был глубоко разочарован. Когда однажды официантка в баре дала ему свой телефон, он почти плакал и говорил, размазывая по своему широкому лицу пьяные слезы: «Вот! Ради таких минут!.. В первый раз не за деньги, а так!..» То есть обделен был женским вниманием Вадим Петрович. И вдруг, на беду Энгелисы Сидоровой, он ее повстречал, увлекся, и в конечном итоге она и стала его подружкой-любовницей. И, опять же, на беду Энгелисы он ее страстно полюбил.

Она же, несмотря на имя, доставшееся ей по наследству от одного из основоположников научного коммунизма, была глубоко верующим человеком. Она регулярно посещала храм не только как примерная прихожанка, но и потому что она пела на клиросе. Энгелиса, обладавшая хорошим голосом и слухом, была одной из церковных певчих. А Вадим Петрович, нахватавший уже солидную денежную массу разными, и в том числе криминальными, путями, был человеком предусмотрительным и осторожным. И, как и многие другие наши простые предприниматели, решил позаботиться заранее об устройстве своей загробной жизни. Мало ли... А вдруг там... Надо приобщиться все-таки... И стал посещать храм, где пела девушка, которая ему шибко понравилась. То есть по его понятиям получилось, что он эту чувиху склеил в церкви. Ну, не внутри, конечно, а снаружи, на улице, перед своим «мерсом» позначился. И она с ним. Сначала из простого женского любопытства. Она читала в газетах и про бандитов, и про олигархов, а тут представилась возможность узнать поближе. Энгелису повлекло любопытство, и она попалась. Вадим Петрович довольно долго, не спеша, ухаживал за ней и старался изо всех сил понравиться. Подарки, прогулки, рестораны, ближее и дальнее зарубежье, курорты скрашивали серые будни недавней выпускницы института культуры, которая пока еще нигде не работала. В результате она привыкла к нему и его богатству, и они стали встречаться на снятой для нее шикарной квартире. Она стала его постоянной подружкой. Замуж не звал, и так все было хорошо, но и ей не давал даже подумать о замужестве. Она могла ведь появляться где угодно, была совершенно свободна, лишь время от времени она должна была отдаваться Вадиму Петровичу. И все! А так — ходи где хочешь, делай что хочешь... Она же не в тюрьме. Она, эта романтичная девушка, и не заметила, как стала банальной содержанкой. И за ней вроде никто не следил, но как только у нее появлялся реальный кандидат, претендент на ее руку и

сердце, он почему-то через некоторое время исчезал. То ли его убивали или, для начала, избивали, то ли он за деньги куда-то уезжал.

Она об этом ничего не знала. Но однажды ей все-рез понравился один парень, пианист, студент консерватории. И вскоре юношу мало того что избивали у нее на глазах, но еще молотком переломали ему все пальцы рук, моментом обрушив навсегда карьеру музыканта. Жестокость расправы потрясла Энгелису, и хотя Вадим Петрович, фальшиво улыбаясь, говорил, что он ни при чем, она не поверила. Собрала вещи, вернулась к маме в их родной поселок, порвала навсегда с Вадимом Петровичем и устроилась на работу в местную библиотеку. Тот попытался пару раз вернуть «былое», но все-таки скоро понял, что если и вернет, она в лучшем случае будет его только терпеть, но при этом все равно бояться и испытывать отвращение. А ему нужна была от нее хотя бы симпатия. Поэтому он успокоился и отстал.

С тех пор Геля Сидорова жила одна, и так уж вышло, что за все это время ей никто не понравился.

И вот тут-то как раз на ее жизненном пути и возник одинокий и суровый мужчина с нежной душой — Сидор Игнатьевич Кошмарюк. Как пел в свое время Вахтанг Кикабидзе, «вот и встретились два одиночества, развели у дороги костер...».

Всю ее нехитрую биографию Сидор узнает чуть позже, а пока... Пока он усердно ухаживает. Навыки в этой области давно забыты, но он старается...

* * *

Если Сидор Игнатьевич почти обрел свое счастье, то есть было такое ощущение, что вот-вот, еще чуть-чуть, еще немного усилий — и ему на склоне лет повезет в личной жизни, то его другу Бронштейну пока ничего не светило. Требования у Йосича были высокими, его бывшая жена Вера обладала такими качествами, которые превзойти, или хотя бы сравняться с ними, было почти невозможно. Ну куда идти, где искать, чтобы потом приходиться не в пустой дом и есть не консервы, но и что-нибудь еще для разнообразия. Не по дискотекам же шляться, не по клубам или концертам! В клуб не пустят по возрасту, а, допустим, на приличный концерт симфонической или камерной музыки, где был бы шанс встретить ближе всего подходящую к идеалу женщину — это ведь надо собраться, уехать в Москву и попытаться попасть. А потом искать среди публики какое-нибудь одинокое существо с широко открытыми, красивыми глазами, которое способно заплакать от музыки. Шансы призрачные, что и говорить.

Но у Бронштейна, как и у Сидора Игнатьевич — Венерия, тоже была своя мечта, которая сформировалась

не в виде умирающего города, а в образе вполне определенной женщины — идеала. Встретить такую было бы счастьем. Он когда-то в телевизоре увидел молодую ленинградскую певицу, которая не метила ни в какие звезды, а пела так, что не была похожа ни на кого. Нежным голосом, про Карелию; о том, что ей будут сниться «остроконечных елей ресницы над голубыми глазами озер». Просто волшебство, полное красоты и надежды! Потом он узнал, что она в ту пору, когда пела, умерла от лейкемии и вся была — словно уходящее лето, которого не вернуть, и надежды нет. Она ушла из жизни так же, как проходит бабье лето — тихо и солнечно. Вот такую Василий Иосифович полюбил бы сейчас. Безоговорочно, беззаветно и жертвенно. Но не было такой. Однако... может, еще не все потеряно?.. Уготовила же судьба другу Сидору такой подарок! Но он пока не знает о зародившемся романе друга, замечает только, что они все реже встречаются, все реже проводят вместе вечера, а когда все же сидят у озера или за столом, он замечает, что у друга сияют глаза, и мысли путаются, что он иногда вроде рядом, а на самом деле где-то далеко-далеко... А все потому, что у одного в это время мечты исполнялись, а у другого на горизонте не было еще ничего.

Все же пора бы приступить и к физическому сближению двух тянущихся друг к другу душ Сидора и Ангелисы. Веками существует такое общественное правило, перешедшее даже в тяжелую замшелую традицию, — правило взаимоотношений полов, согласно которому инициатива перехода от платонической любви к менее целомудренной должна непременно принадлежать мужчине. В наше время, когда количество женщин значительно превышает количество мужчин, это правило теряет свою актуальность. Особенно если речь идет о мужчинах сравнительно здоровых, умеренно пьющих, не извращенцах и вообще натуралах, ибо остальные не могут предложить женщинам ничего, кроме дружбы.

А Ангелиса уже довольно долго жила без мужской ласки и уже стала опасаться, что оставшаяся часть жизни так и пройдет в этом безрадостном режиме. А у Сидора ведь было то же самое, тоже изрядный стаж упертого и даже принципиального воздержания. Вот ведь как удачно совпало! И неудивительно, что в это пустое у обоих пространство, в этот безлюбивый вакуум проникло настоящее и сильное, я бы сказал — всепобеждающее чувство. Не страсть какая-то банальная, свойственная юности, перенасыщенной тестостероном, не так, как пелось в старой песне: «Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь», а напротив — во все не «нечаянно» и не тогда, когда «совсем не ждешь», а ожидаемо и закономерно. У Сидора она уже окон-

чательно сформировалась и уже пребывала в некотором тупике: визиты в библиотеку, цветы и шоколадки «Аленка» себя уже как бы исчерпали, а что дальше-то? Что дальше делать? Теоретически он об этом что-то знал и некоторый, пусть скромный, но все-таки опыт у него был, но как сейчас действовать, какие шаги предпринимать по направлению к объекту своей крепнущей любви, он пока не понимал и был в явной растерянности, которую Ангелиса находила тем не менее очень милой и привлекательной. Она тоже совсем не была ослеплена страстью, однако Сидор ей очень нравился, и она твердо знала, что если ей и пора замуж, если надо обрести своего мужчину в обозримом будущем, то лучше и порядочнее Сидора Игнатьевича ей не найти. Да и искать-то не очень хотелось, а Сидор и сам как-то нашелся. И Ангелиса окончательно решила взять управление процессом в свои руки. А то милая робость, нерешительность и даже застенчивость старого солдата могли привести к застою, к стагнации их отношений. Ангелиса составила серьезный план действий и стала его постепенно осуществлять. В кино они пару раз сходили и посмотрели сначала «В джазе только девушки», а потом старый фильм «Возраст любви». В их единственном кинотеатре по субботам показывали старинные мелодрамы и комедии. И вот во второй раз он случайно коснулся ее руки, и она руку не только не отвела, а наоборот — придвинула ее ближе. И тогда Сидор, чуть осмелев, взял ее маленькую руку в дрожащую большую свою, окаменел и так, в положении истукана, пялился в экран, на котором уже ничего не видел. Геля его смущение оценила и в этот момент поняла, как давно у Сидора не было женщины, что тоже, в свою очередь, добавляло к его образу честность и порядочность, то есть качества очень даже привлекательные для женщины, строящей брачные планы в соответствии со своими понятиями о семейном счастье. Надо было бы тем же вечером пойти куда-нибудь на танцы, чтобы не только руки, но и тела оказались в нужной близости, но в их поселке не было ничего подходящего для них. Был молодежный танцпол с механическими, однообразными ритмами, в которых не было даже намек на мелодию. Словом, для души — ничего, и Геля решила, что торопиться не следует. К чему? Так или иначе все пойдет по ее сценарию. В следующий раз он проводит ее до дома, и она у подъезда позволит себя поцеловать. Несерьезно, неглубоко... А еще через неделю пригласит его к себе, на чай, а там уже — по обстоятельствам...

Когда пришло время «чаепития», Геля подумала, что пусть на всякий случай у нее будет бутылка вина и бутылка коньяка. Оба вроде непьющие люди, но вдруг те самые обстоятельства потребуют, кроме чая, чего-то крепче.

Итак, вечеринка состоялась и прошла почти точно по намеченному Ангелисой плану. Когда, лукаво, таинственно и многообещающе улыбаясь, она пригласила его зайти испить чайку и отведать собственноручно приготовленное печенье, Сидор, конечно, приглашение принял, но при этом смутился и потупился. Он ведь предусматривал и раньше возможность физической близости, то есть соития с обожаемой Гелей, но не был уверен в своих способностях — потенциальных, если вы меня правильно понимаете, конечно... Сидор в свое время не без отвращения посмотрел фильм «Ночной дозор», и название врезалось ему в память. «Как бы не получился у меня с Гелей “ночной позор”», — мрачно пошутил он про себя, поднимаясь вслед за ней по лестнице.

Однако, по счастью, все обошлось. Когда все же, помимо чая, выпили по бокалу вина, Геля вдруг boldly провозгласила: «Дамы приглашают кавалеров» и моментально включила проигрыватель с заранее вставленным туда диском группы «Абба» на вполне определенном треке № 4 с нежной и проникновенной мелодией *Harro new year*. С Новым, стало быть, годом (в переводе) и, значит, с прямым намеком на то, что следующий год, начиная с сегодняшнего числа, может оказаться для них обоих подлинно новым и счастливым. Ангелиса таким образом сразу очутилась в объятиях Сидора. Грубые, солдатские руки Сидора Кошмарюка сомкнулись на фигуре Ангелисы, удивительно гибкой и податливой. Ее тонкая талия под правой рукой Сидора ритмично покачивалась в такт мелодии. Медленный, волнующий танцевальный этюд двух людей, обреченных на счастье, который в молодежной среде зовется просто и доходчиво — «медляк», все продолжался. Сидор ощутил прилив давно забытой эрекции и от этого еще больше смутился и даже слегка покраснел. «Она это почувствует, — с легкой паникой подумал он, — и что тогда? Неудобно ведь».

Оказалось, она почувствовала, и это было не только неудобно, а даже необходимо. Геля взяла руку старого солдата и нежно положила ее себе на грудь. Сидор издал звук, похожий на рычание изголодавшегося льва в зоопарке, которому принесли наконец тазик свежего мяса. После чего Геля отняла его руку от груди, взяла ее в свою — мягко, но властно — и под ту же музыку повела в спальню к своей сиротской до этой поры и одинокой постели. Они упали на нее почти в такт все еще звучащей мелодии, а дальше... Дальше что? Да все как обычно, за исключением того, что Геля все сделала сама. Она сама раздела Сидора, обалдевшего от того, что все происходит не по правилам. Ведь это он, по идее, должен проявлять активность в этом вопросе, а тут — наоборот! И вовсе не потому, что Ангелиса была

какой-то распутной или развратной, нет, упаси бог! Все было потому, и Сидор это почему-то знал, что она просто хотела ему помочь, хотела, чтобы они вместе победили его робость, вызванную слишком долгим воздержанием, то есть элементарным отсутствием практики. Целомудрие и долгая невинность Сидора Кошмарюка лопнули под напором накрывшего его чувства и желания обладать Гелей, хотя мы-то с вами видим, что это еще большой вопрос, кто тут, как и кем обладает в действительности. Короче, Сидор тем вечером ночевать к себе не пошел. Все! У него началась совершенно новая и прекрасная жизнь.

Настало время поведать о своем новом счастье другу Бронштейну, тем более что тот все больше беспокоился о том, что их совместные посиделки становились все реже и реже, а в последнее время и вовсе сошли на нет. И тогда в самый ближайший вечер обновленный и сияющий Сидор Игнатьевич явился на дачу к другу Василию и рассказал, как он познакомился, полюбил и собирается даже жениться, а теперь, дескать, хочет познакомить его со своей невестой, и она сейчас ждет их обоих в соседнем доме, в котором живет, как вы помните, новоявленный жених Сидор Кошмарюк. Геля действительно ждала, что ее представят. Но заслужит ли она одобрения, или можно даже сказать, благословения со стороны единственного близкого Сидору человека?.. Нельзя сказать, что она ждала, трепеща от волнения, но все равно знакомство это напоминало первый визит жениха и невесты к родителям жениха.

Когда Сидор рассказал Бронштейну о своей любовной истории, тот слегка взгрустнул, полагая, что он вновь окажется совсем один. А потом, когда знакомство состоялось, Ангелиса прочла в глазах Василия безусловное одобрение выбора товарища. А потом, когда друзья, извинившись перед ней, вышли на крыльцо, она, конечно, поняла, что ее сейчас обсудят и вынесут окончательный вердикт, что первым делом ее избранник спросит Бронштейна: «Ну как?» И тот должен будет честно ответить. Она ошиблась. На крыльце не было произнесено ни одного слова по ее поводу. В ответ на безмолвный вопрос Сидора глазами и бровями Бронштейн просто показал большие пальцы на обеих руках. А потом наивно и смешно для своего возраста сказал, как в те далекие студенческие годы: «Слушай, старик, спроси у своей Ангелисы, а подруга у нее есть? Ну, примерно такая же, как она? Там у них, в библиотеке? Или похожая на нее? Пусть в следующий раз придет с подругой, а?»

Следующий раз наступил не скоро. Пока Василий Иосифович в одиночестве коротал время у телевизора и на своем огороде, его друг Сидор Игнатьевич и Ангелиса Григорьевна готовились к свадьбе. Скажем

по-другому, и это будет точнее: Василий не просто сидел у телевизора и копался в огороде, он ждал своего шанса, поворота судьбы, улыбки фортуны, счастливого случая. Ведь выпал же такой случай его соседу и другу. Вдруг, например, Энгелиса приведет подругу — красивую, нежную, добрую и одинокую, которая будет соответствовать его идеалу. Какое-то неясное предчувствие теплилось в глубинах подсознания Василия Иосифовича и рождало несмелую и скромную надежду на финальное в жизни счастье. Можно, конечно, думать, что только лишь случай свел Сидора с Энгелисой у помойки, а дальше все покатило к соединению судеб, рук и сердец. Однако это будет наивное и даже глупое предположение. Какой-то очень умный и прозорливый человек сказал, что случай — это плановая акция вашего ангела-хранителя. Видно, у сурового Сидора и интеллигентной библиотекарши было по ангелу на каждого или же один на двоих, но с одним намерением. И все состоялось, срослось. Так что, возможно, и Бронштейну выпадет счастливая карта... Хотя, наверное, не стоит путать игральную карту с Божьим промыслом.

На свадьбу через месяц Бронштейн был, разумеется, приглашен в качестве свидетеля со стороны жениха, а со стороны невесты — оказалась та самая одинокая, красивая и добрая подруга, на чье появление Василий так рассчитывал.

И он ее увидел... Он не был предупрежден, что его просьба о подруге вот таким образом исполнится, и познакомился со свидетельницей в ЗАГСе районного центра как с совершенно случайным человеком, не входящим в круг его интересов и планов на будущее.

— Катя, — представилась она.

— Василий, — ответил он и, чуть помолчав добавил: — Иосифович...

— И можно без отчества? — спросила Катя.

— Конечно, — обрадовался он.

Катя была из той редкой породы женщин, которых с первого взгляда никто не полюбит, не оценит. Но внимательный и неглупый мужчина очень скоро поймет, что чем больше всматриваешься в лицо такой вот Кати, тем больше оно начинает нравиться. Все больше и больше... Бронштейн пока еще не въехал, но после скромного, без фейерверка и белых голубей бракосочетания все вчетвером поехали отметить это событие обратно в их родной поселок. В их, уже знакомом вам, поселке была одна библиотека, один кинотеатр и, естественно, один-единственный ресторан с названием, претендующим на юмор, — «Усталый дачник».

На юмор претендовал владелец этого, всегда полупустого, а подчас и вовсе пустого заведения Андрей Нянькин. Он построил дом здесь же; были у него, как говорят,

свободные деньги после того, как он оставил (или продал) свой московский бизнес и захотел тихой, спокойной жизни. И вложил эти свои «свободные» деньги в ресторан. Ни на какую прибыль он в этой тихой гавани совсем не рассчитывал, так что это было чистой воды меценатством, или даже — забавой. И Андрей Нянькин, как мог, развлекал себя сам. Сам составил меню и придумал названия напитков и блюд. К примеру, было у него «сердце в сметанном соусе», что вполне отвечало названию заведения. Усталому дачнику надо ведь дать отдохнуть своему сердцу. А где же это сделать, как не в сметанном соусе?.. Названия закусок тоже были заманчивы, наивны и по-своему милы. Например, «Блуждающие креветки в розовом море». А как, наверное, тянет отведать «грустного лосося у зеленого причала» и узнать заодно, чего это он там загрустил? Что опечалило лосося на этот раз? А еще «заблудшая осетрина с фенхелем на берегу Красного моря». «Заблудшая»... Видно, у нее тоже, как и у лосося, судьба не сложилась. Ах, да что там! Я уже не говорю о десерте под обворожительным названием «Мечта Винни-Пуха».

Итак, друзья явились в кафе-ресторан «Усталый дачник», чтобы отметить важнейшее событие в жизни Энгелисы и Сидора. По пути Геля воспользовалась популярным народным выражением, чтобы пошутить. Доверчиво прижавшись к каменному плечу старого ветерана, она прошептала ему в ухо: «Сидор, ты понимаешь, что я теперь стала Сидоровой козой».

— Почему же «козой»? — не принял он каламбура. — Ты моя... Ну не знаю, самая... — Он все искал подходящее слово, наиболее точно выражающее его отношение к любимой, такое, чтобы сердечно, но не банально, как на открытках, и все не находил.

— Молчи, — пришла на помощь та, у которой запас слов был значительно больше, — лучше поцелуй...

Ресторатор и хороший знакомый всех четверых Андрей Нянькин тоже был здесь. Он решил лично поздравить и создать здесь сегодня какое-то подобие праздника. Он вообще в этом плане был молодец и старался транслировать добро при каждом удобном случае. А уж тут — сам Бог велел. И официант при входе вынес и поставил у ног Энгелисы огромную корзину цветов. И по его знаку сразу же заиграла музыка. Нянькин избежал варианта, который сам запрашивался, и Мендельсон в этот раз оказался не у дел. По залу разлилась старая волшебная мелодия ансамбля «Абба», которую так любила Энгелиса и под которую они с Сидором танцевали в их первую ночь, и Нянькин, как ни странно, об этой ее слабости знал. И цветы, и музыка эта наполнила близорукие глаза Энгелисы за очками с толстыми стеклами — благодарными слезами, и она поспешила обнять доброго ресторатора

Нянькина со словами: «Ох, Андрей, какой же ты... Как я тебе благодарна».

— Тихо, — сказал тоже растроганный Нянькин, который, как мало кто, понимал, что дарить подарки — гораздо большее наслаждение, чем их получать. — Спокойно! Прошу к столу.

И выпито, и съедено было немного, не те люди собрались, но время, проведенное вместе, позволило Бронштейну пристальнее разглядеть подругу молодоженки Гели.

«Ну надо же, — постепенно вникал он в самую суть происходящего с ним, — бывают же такие милые лица! Именно милые, а не вызывающе яркие. И потом, эта Катя, кажется, вовсе без макияжа! А какие большие, красивые и добрые глаза у нее!.. Не могу понять, какого цвета, серые или зеленоватые... Надо будет рассмотреть поближе...»

И чтобы поближе посмотреть, а еще обнять и почувствовать, есть ли какое-то чувство, он дождался медленной музыки и пригласил Катю потанцевать. А медленные танцы, как известно, — легальный повод к сближению. Как было и у Энгелисы с Сидором. Ресторан был почти пуст, и никто почему-то не танцевал. Жители поселка предпочитали сидеть по своим дачам и отдыхать там.

Василий Иосифович совсем не думал о Кате как о возможной претендентке на его руку и сердце, до этого было еще далеко, но познакомиться поближе уже тянуло. И уж совсем смешно было то, что в Бронштейне неистребимо жил стоматолог, поскольку бывших стоматологов, как, говорят, и бывших чекистов, не бывает. Почему смешно? А я объясню: Бронштейн во время танца решил ознакомиться с Катиной полостью рта, какие у нее зубы, есть ли кариес, о чем свидетельствует запах и проч. Катя улыбалась, поэтому он смог оценить ее зубы по высшему разряду и осознал, что Катя таким образом стала ему еще больше нравиться, тем более что и фигура ее во время танца нешуточно взволновала стоматолога. Но главным было другое: он вдруг осознал, что Катя удивительно напоминает ту самую ленинградскую певицу из его юности, которая пела про Карелию, — Лидию Клемент. И когда его осенило это открытие, он аж остановился во время танца и зажмурился, не поверив в такое внезапное «дежавю». Когда они вернулись к столу, узнали, что молодожены собрались уже уходить.

— В чем дело?! — почти возмущенно поинтересовался Василий. — Ведь только начали! — И тут (свои же

люди, можно и сказать) они сказали, что Энгелиса в «интересном» положении, уже три месяца. Она себя неважно почувствовала, а ее надо беречь и поэтому пора уходить.

— Она понесла... — с солдатской прямоотой добавил Сидор, а Геля укоризненно, но ласково взглянула на суженого.

— А вы, пожалуйста, останьтесь, — попросила она Катю и Василия. — Еще ведь горячее не подали.

— И десерт намечается особенный, — подхватил подошедший Нянькин, — пожалуйста, мы вас очень просим.

Бронштейн и Катя переглянулись смущенно и согласились...

И мы с вами оставим эту пару в неясной перспективе чего-то очень удачного, судьбоносного и хорошего... Мы же надеемся, что и у Василия с Катей случится внезапное, но потом — долгое — счастье... И не потому, что так уж хочется эдакого сусально-ванильного хеппи-энда, а потому что у нормальных людей теплеют глаза, когда у других происходит что-то хорошее, и они радуются за них. Вот чего хочется вашему автору, тем более что он вплотную приблизился к финалу и мечтает об улыбке напоследок.

Молодожены вышли из ресторана. Прошли несколько шагов, и тут неожиданно их окликнули сзади. Точнее, окликнули его.

— Сидор! Ты, что ли?

Сидор обернулся и узнал своего бывшего товарища по работе, тоже охранника, Федора.

— Привет, — поздоровался он, — познакомься, моя жена Геля, — не без гордости представил он ее, опасаясь при бывшем коллеге произнести полное имя жены. Вдруг тот еще удивится и придется объяснять.

— Федор, — в свою очередь представился тот, — бывший сослуживец мужа вашего.

— А ты как тут оказался? — спросил Сидор.

— Да, короче, дачу тут присматриваю, — ответил Федор, — в натуре, знаешь, Москва надоела. Сам-то как? Как жизнь?

Быстро не расскажешь. Но Сидор ответил.

Вы, конечно, помните, как наш герой вначале ненавидел интеллигенцию и особенно их интеллигентские словечки. Но вот сейчас на вопрос Федора «Как жизнь?» он ответил для себя странно. Осторожно, словно пробуя это необычное слово на вкус и привыкая к нему, он с некоторым усилием произнес:

— Весьма...

